

**Эволюция семантики этнонима
как проявление этнических стереотипов в языках болгар и их соседей**

Abstract. This article examines the lexeme (ethnonyms and ethnonymic derivatives) semantic evolution process, as well as their functioning in stable collocations. Lexicographic sources and paremia collections were used to study the patterns of linguistic formation of ethnic stereotypes of Bulgarians about their neighbors.

The study also investigates representations of Bulgarians in the languages of their nearest and more distant neighbors. The research highlights some universal and nation-specific peculiarities and topical tendencies in verbal expressions of the notions “local - foreign”; “us - them”.

Key words: ethnonym, ethnic stereotypes, evolution of semantics, linguistic image of the neighbor, Bulgarians.

Проблематика, связанная с изучением этнонимов и отэтнонимной лексики, находится на стыке нескольких научных направлений (лингвистики, культурологии, этнопсихологии). Язык как средство передачи культурного опыта может дать ценные сведения о ценностной системе и об особенностях восприятия мира членов языковой общности. Семантическая деривация лексем-этнонимов свидетельствует о коннотациях, связанных с наличием каких-то устойчивых признаков, характерных для представителей соответствующей национальности и отмечаемых контактирующими с ними представителями других этносов. С другой стороны, самоидентификация по этноцентрическому принципу предопределяет выделение преимущественно отрицательных качеств у «чужих». Понятие «стереотип», введенное в обиход в 1922 году, связано с познавательной деятельностью человека и обозначает конструкт мышления, отличающийся упрощенностью и наличием эмоционально-оценочных компонентов значения. Важную информацию для реконструкции «авто»- и «гетеростереотипов» можно извлечь из лексикографических и паремиографических источников разного типа. При этом следует обратить внимание не только на дефиниции семантики лексем, но и на иллюстративный материал к ним. Объектом изучения в нашей работе являются этнонимы, обозначающие этносы – соседи болгар: проживающие на одной территории с ними или в прилегающих к ней географических областях. Интерес вызывал также вопрос о функционировании этнонима, обозначающего в первичном значении представителей болгарского этноса в языках их соседей. Языковой материал извлекался из словарей болгарского языка (толкового, фразеологического, этимологического, словаря жаргонных слов), сборников паремий (пословиц, поговорок, загадок) и из соответствующих им источников для языков соседей.

Задача исследования – найти универсальное и национально-специфическое в процессах семантической эволюции этнонимов и их дериватов.

1. Отражение представлений о соседях в языковой картине болгар.

В болгарском языке обозначения этносов-соседей представлены следующими лексемами: *циганин*, *турчин*, *грък*, *евреин*, *влах* (народно-разговорное название румын), *арменец*, *арнаутин* (народное название албанцев), *сърбин*, *хърватин* (*арватин*), *цинцар(ин)* ‘человек из малочисленного балканского племени, проживающего главным образом в Македонии, с языком, близким к румынскому’. Некоторые этнонимы с коннотативными элементами значения дифференцируют также и семы пола и возраста (напр. *циганка*, *циганче* (цыганенок); *еврейче* (маленький, еще некрещенный ребенок). Важным показателем значимости данного этноса в жизни болгар и интенсивности контактов с ним является наличие лексем с собирательным и пейоративным оттенком значения: *гърчоля*, *турчоля* (*турчеля*, *турча*), *циганори*, *влася*. Окаzionaliальными заместителями этнонимов могут быть в «этнических анекдотах» антропонимы *Манго*; *(Х)асан*; *Айше* – цыгане и цыганка и *Киркор* и *Гарабед* – армяне.

Языковой материал дает основание заключить, что для болгар главными антагонистами являются цыгане, в меньшей степени турки. Этноним *циганин* обладает самым большим количеством коннотативных наслоений. В разных диалектах лексемой *циганин* можно назвать очень темного (по цвету кожи) человека, забияку, нахального, навязчивого, но чаще всего вруна, обманщика. Лексема *циганка* обозначает женщину, постоянно выпрашивающую что-нибудь у соседей. Негативные коннотационные оттенки получают и синонимы титульного этнонима. Обычно это лексемы, заимствованные из других языков: *манго*, *мангун(ин)*, *мангасарин* (от цыг. *tangav* ‘попрошайничать, просить, хотеть’) ‘человек, скитающийся бесцельно, лентяй, лжец, неотесанный, неопрятный’; *ченгене* (от тур. названия цыган ‘ленивый, распущенный человек’). В болгарском языке есть специфическая словообразовательная модель для обозначения особого типа поведения и для негативной оценки особого рода поступков. На основе этнонима создаются глаголы (*циганя се*, *циганосвам се* ‘торговаться как цыгане, мелочиться, быть скупым в ситуации, не требующей этого’), имена существительные (*цигания* – неодобр. ‘присущие цыганам качества и поступки: попрошайничество, чрезмерный торг, неуместная скупость’), *агюпшчина* ‘ложь’. Симптоматичны примеры к статье «Цигански» в «Словаре современного болгарского литературного языка» (1959): *циганска лъжа*, *циганско сърце* – и в «Болгарском толковом словаре» (1973): *Циганска махала* (район проживания), *цигански шалвари* ‘шаровары’, *циганска торба дъно няма* ‘У цыганской котомки дна нет’. Здесь приводятся и идиоматические сочетания *циганско лято* ‘бабье лето’, *циганско петле* (*петле* ‘петушок; удод’), *циганско сърце* (‘неспокойное, порывистое сердце’), *циганска любов* (шутл.: ‘печка для отопления из жести’). В первых примерах составители выделяют характеристики поведения и характера, во втором случае портрет более дифференцирован и включает элементы внешнего вида, привычных занятий, особенности проявления эмоций, социального статуса (бедность). Сложно сказать, какие из всех качеств являются доминирующими в болгарском видении цыган. Дополнительную информацию об этом можно полу-

чить от участников в ассоциативных экспериментах. Результаты последних свидетельствуют об устойчивости связи цыганского этноса с темным цветом кожи (наличие реакций на стимул *черен* ‘черный’). Негативная оценка крайних проявлений скупости в этической шкале болгар отражена в коннотациях и других этнонимов – *евреин*, *цинцар* (представитель малочисленного балканского этноса, говорящего на языке, близком к румынскому). По-видимому, имеющие склонность экономить и быть бережливыми, болгары, чувствуя опасность экстремального развития этих черт характера, приписали их крайние проявления представителям других этносов. Человеку, провалившему свое дело в самый последний, решительный момент, всегда скажут: *Власите на края на Дунава се давят* ‘Румыны тонут на краю Дуная, недалеко от берега’. В этой поговорке ироническое напоминание о склонности румын представить себя более значимыми, чем они есть.

Определенные черты характера и внешности могут стать признаками этнического стереотипа. Сложившиеся в определенный исторический период представления о другом этносе являются потенциальной базой для семантической эволюции этнонима. Борьба болгар за самостоятельную церковь против греческих священников и духовной эллинизации отразилась в формировании отрицательного отношения к грекам и в некоторых характеристиках этого этноса. Иллюстративная часть к статье «Гръкъ, Гръци» в «Словаре болгарского языка» Найдена Герова (1878) рисует греков как алчных, хитрых, коварных, склонных к предательству и скряжничеству: *Грък като вълк* ‘Грек как волк’; *Посвали, гръче!* и *Лъжи, гръче и свестися* – *казват на някому, кога много лъже*. ‘Приубавь, грек!’ и ‘Ври, грек, да знай меру – говорят тому, кто сильно врет’. Механизм возможной семантической деривации в этом случае представляется таким образом: греки хитрые и лукавые > он хитрый и лукавый > он как грек > он грек. Схема реализуется в приобретении дополнительных значений этнонимов *грък* – *търговец* (купец – обманщик) и *гъркиня* (вариант – *кокона*) – изнеженная, ленивая городская женщина, которая думает только о своей красоте и не любит физический труд. Некоторые коннотативные значения продолжают свое существование только в отдельных диалектах при постепенном превалировании окказионального смысла над узуальным (собственно этнонимическим). Ограничение или прекращение межэтнических контактов приводит к постепенному стиранию собственно-этнонимического значения. По всей видимости значения лексемы *арнаутин* меняются местами и первым становится «человек с тяжелым характером, деспот», а не «албанец». С изменением этнического стереотипа под влиянием изменения общественных условий меняется и содержание коннотативного значения. Созданное во времена турецкого рабства коннотативное значение лексемы *турчин* ‘турок’ ‘злой, немилостивый, злопамятный, вообще плохой человек’ употребляется все реже и реже, а другое, обозначающее беспричинно ревнивого мужа, сохраняет частотность. Языковой портрет турка в болгарской идиоматике несет ярко отрицательные черты. Это неудивительно, поскольку он складывался во времена Османской империи в условиях неравноправных, асимметричных по статусу отношений, воспринимаемых болгарами очень болезненно: *Ако в село турци, ако в гора*

вълци ‘В селе турки, в лесу волки’ (это одно и то же). Некоторые употребляемые и теперь болгарские фразеологизмы несут в своих компонентах и образности отпечаток времени своего создания: *минавам като през турски гробища* букв. ‘прохожу как через турецкое кладбище’ – ‘прохожу мимо кого-либо, не замечая его и не здороваясь с ним’ (на самом деле на турецком кладбище много разбросанных камней и легко можно споткнуться и упасть, надо быть осторожным), *спя като рязан(заклан) турчин* ‘спать как обрезанный (или зарезанный) турок’, т. е. ‘глубоким сном’. Враждебность по отношению к туркам в те времена хорошо выражена в реплике-клише, произносимой в те времена болгарскими, встающими с трапезы после совершения крестного знамения: *Боже наспори, сите турци разпори, сал едного остави и него свинар направи!* ‘Господи, разрежь пополам всех турок, лишь одного оставь и сделай его пастухом свиней!’ Оценочно-эмоциональную коннотацию имеют и номинации *зелен гушер* ‘зеленая ящерица’ – ‘турок’, *зелка (капуста)* – ‘турок’.

Наблюдения над современной болгарской языковой действительностью выявляют все более широкую экспансию жаргонной лексики в разговорную речь. Среди этнонимов отмечается расширение семантического объема значений. В жаргонных пластах лексики властвует языковая стихия и легче реализуются ассоциативные связи при номинации представителей других этносов. Лексемы *бразилец, вьетнамец, филиппинец, камбоджанец, (и)талианец* служат и для обозначения цыган. Определяющей при замене стилистически нейтрального этнонима его жаргонным вариантом является коммуникативно-прагматическая стратегия говорящего. Ярko выраженная оценочная функция слов и богатые экспрессивные возможности жаргонизмов часто являются решающими в выборе. Иногда жаргонное слово включает в себя старые коннотативные значения и обогащает их: *византиец* ‘грък’ (греки – основной этнос Византии, а политика империи по отношению к соседям отличалась хитростью и коварством) Этнонимы участвуют и в процессах антропоморфной метафоризации. Они номинируют конкретные объекты из растительного, животного, предметного мира, природные явления. Ситуативный характер ассоциативных связей иногда приводит к стиранию образной основы, но часто механизм переноса легко восстанавливается и дает информацию об особенностях видения мира народа-словотворца. В болгарских диалектах *циганка* ‘1) мелкая, плоская рыба (*цигански риби* ‘головастики’); 2) вид дерева и сорт поздно созревающего яблока со сладко-кислым вкусом; 3) насекомое с красивым узором; 4) кузнечик; 5) узор ковра’. Широко употребимо в разговорной речи значение *циганка* ‘нераскрывшееся, нелопнувшее зерно кукурузы, попкорна’. Среди интересующих нас этнонимов такие процессы произошли с лексемами *влах(у)* ‘северный ветер в области Добруджа’, *влашец* ‘красный лук’, *влашка* ‘кукуруза’, *влашеник* ‘каша из кукурузной муки’, *арнаут* ‘цветок маргаритка’, *сърбин(о)* ‘сильный северо-западный ветер (по направлению, откуда дует)’; *турчин-кукурчин* ‘насекомое’, *турчин* ‘растение настурций, капуцин’ (еще несколько видов растений названы «турецкими», например, *турско цвете* ‘1. ирис германика (касатик, петушок); 2. календула (ноготки); 3. таволга болотная’. Вероятно, мотивирующим

признаком служат яркий цвет, синий или желто-оранжевый, и некоторое сходство цветка с головой в турбанах.

Этнонимы служат основой и для создания адъективно-номинативных сочетаний, в которых адъективный компонент обозначает характерные, типичные черты этносов в языковом сознании болгарина. И здесь лидером являются производные от лексемы *циганин*: *цигански очи* 'темные глаза', *циганска кръв* 'человек с буйным нравом', *циганска любов* (шутл.) 'жестяная печка, быстро разгорающаяся и быстро затухающая', *циганско сърце* 'нетерпеливый или трусливый человек'. В некоторых случаях процесс фразеологизации завершен и сложно восстановить логическую основу метафоризации: *циганско лято* 'бабье лето'. Наличие еще одного обозначения этой поры года – *сиромашко лято* (*сиромах* 'бедняк') позволяет предположить такое развитие метафоры – солнечная и теплая погода осенью – радость для бедных и для бездомных, цыгане – такие, значит, это радость и для них. Некоторые другие качества цыган, дополняющие их портрет в глазах болгар, зафиксированы в прецедентных текстах: 1) глупость, простота, неспособность выделить главное: *Давали на циганина царство, а той: Ами хляб!* 'Давали цыгану царство, а он: А хлеб дадите?'; 2) безосновательное хвастовство: *Всеки циганин своя кон (лошадь) хвали. Всяка циганка своите веретена* (веретена) *хвали*; 3) неискренняя лесть с целью получить что-либо от человека, которого хвалят: *Умря циганката, що го хвалеше* 'Умерла цыганка, которая его хвалила' (ироническая оценка сказанного хвастуном о себе).

2. Болгары в культурно-языковой памяти близких и дальних соседей.

Болгарский язык предлагает любопытный и уникальный факт: фраза *българска работа* 'болгарское дело' используется преимущественно для негативной оценки «несимпатичных проявлений отдельной личности или большинства» (К. Петканов). При достаточно активном употреблении в речи болгар, она не находит места в словарях. Болгарский писатель и специалист по этнопсихологии Константин Петканов считает, что появление такого словосочетания – признак раздвоения в поиске национальной идентичности и плохого знания самого себя. Философ и психолог Найден Шейтанов ищет объяснение в существующем среди болгар, по его мнению, негативизму к себе самим. А сам негативизм («дух отрицания») он объясняет этнической неоднородностью болгарского народа («расовая вавилония на Балканах») и влиянием проживающих вместе с болгарам этносов. О наличии особого амбивалентного отношения к себе, включающего элементы повышенной самокритичности, свидетельствуют такие автономинации, как *българан* (шутливое, ироничное) и *българановец* (неодобр., осужд.). Любой гетеростереотип является в какой-то степени и автостереотипом, поскольку оценка других происходит с учетом некой нормы, установленной в своей этнической общности. И так как отклонения от нашей нормы чаще всего происходят в сторону ухудшения у них, гетеростереотип обычно приобретает негативные эмоционально-оценочные оттенки. Так, в основном, происходит и с этнонимом «болгарин» в языках близких и дальних соседей.

1. В турецком и в греческом языках развиваются значения: ‘упрямый, неуступчивый, не поддающийся убеждению’ и ‘нечистоплотный’. Строптивость и неуступчивость отмечены и в румынском слове *bulgar*. Эта лексема служит и для обозначения огородников, людей, выращивающих овощи, что связано с деятельностью болгар-садовников в Центральной Европе (Венгрия, Австрия, Словакия, Чехия, Румыния). Их старание и добросовестность в труде были замечены словаками в сравнении *Dre jako bulhar* ‘работает, старается, вкалывает как болгарин’. Греки, однако, видят в болгарях людей, недостаточно воспитанных, диких, примитивных, грубых, неблагодарных. В северных греческих диалектах болгаркой назовут женщину со злой душой.

2. Широко развита семантическая структура этнонима *бугарин* и однокоренных ему слов в сербском языке. Это удивляет на фоне почти полного отсутствия подобного явления у лексемы *сърбин* в болгарском языке. Негативные пейоративные коннотации можно отметить в целом ряде лексем: *бугар*, *бугаре*, *бугарин* – вид свиньи (с неясным по мнению этимолога Петара Скока семантическим переходом), *бугарчич* – поросенок, *бугарашилук* – грубая, несложная работа, *бугарин* – худой и высокий боров, *бугарски* – примитивный, простой способ жить, работать, думать, *бугаренда* – пейоратив. Этноним и словообразовательные дериваты номинируют также денотаты, связанные с болгарским материальным бытом, этнической территорией и культурой: *бугарија* – музыкальный струнный инструмент; песня плакальщицы; *бугарштица* – эпическая народная песня со стихами из 15 или 16 слогов; *бугарин* – восточный ветер в области Пчиньи; *бугарка* – 1) вид танца-хоровода в Восточной Сербии; 2) вид сливы или яблока; 3) белая тыква; 4) сорт крупного перца; 5) название белой овцы с черными ушами или черной овцы. В сербское языковое пространство под влиянием западноевропейской культурной парадигмы проникают некоторые негативные коннотации этнонима болгар, возникшие во французском языке в связи с преследованием альбигойцев, последователей еретического дуалистического движения богомилов (в Италии их называли *патаренами* и *катарами*), возникшего на территории Болгарии: *бугер* (от фр. *bougre*): презрительное – простой, глупый; новопосвященный в веру; слабая оценка у учеников; самая низкая положительная оценка («довольан»). В романских языках лексема и производные от нее получили дополнительные значения: хитрец, обманщик, эгоист, иностранец, чужак, дикарь, нечестный человек; несчастный, бедный, слабый, странный.

Анализ собранного языкового материала материал позволяет сделать следующие выводы.

1. В болгарском языке существует круг этнонимов, чаще других подвергающихся процессам семантической деривации (*циганин*, *турчин*, *немец*, *евреин*, *руснак*, *англичанин*, *французин*, *италианец*, *грък*). Универсальным является семантический переход от этнонима к антропоморфной номинации предмета, явления. В ней задействованы чаще всего определенные лексические группы.

2. Эволюция семантики этнонима и отэтнонимных дериватов происходит преимущественно в сторону ухудшения значения. Пейоризация может быть подчеркнута использованием специализированных словообразовательных средств (напр., сербские *бугараши*, *бугаренда*). Развитие семантической структуры этнонимов зависит от характера контактов между этносами и историческими условиями их осуществления. В парах языков можно наблюдать симметричные (болгарский – греческий) и асимметричные (болгарский – сербский) соотношения. Появляются новые языковые единицы, в которых оценочный компонент отсутствует (напр. *турско синьо око* – «назар бонжук» – ‘амулет из стекла в виде синего глаза, защищающий от злых сил и сглаза по принципу «подобное лечат подобным»’). Этноним может обозначить и представителей другого этноса (напр., *власи* – болгары из области Банат (Румыния), вернувшиеся на историческую родину).

3. Динамический характер семантических процессов зависит от изменений общественно-культурных условий жизни народа. Меняется и содержание этнических стереотипов. Нейтрализуются отрицательные оценочные компоненты (во французском *bougre* уже доминирует значение ‘человек вообще’). В этностереотипах есть когнитивные и эмоциональные составляющие. Более подвижной частью являются вторые. Некоторые стереотипы имеют интернациональный характер (*макаронджия*, *макарон* ‘итальянец’).

4. Активизируются словообразовательные модели с пейоративной маркировкой. Экспансия жаргонной этнонимной лексики в разговорную речь и публицистические тексты ставит носителя языка в ситуацию выбора, разрешаемую его коммуникативно-прагматическими намерениями.

5. В языках создаются новые «политкорректные» этнонимы. Начавшееся раздвоение в структуре некоторых стереотипов находит отражение и в языке. Частое использование в болгарской печати неологизмов *ром*, *ромка*, *ромско население* (от цыг. *ромале* ‘народ’) фиксирует позитивную часть образа цыган, а традиционный этноним *циганин*, *цигани* является носителем только негативной части. В новых изданиях словарей некоторые негативные значения не включаются.

Список литературы

1. Български етимологичен речник. София, 1971.
2. Български тълковен речник. София, 1973.
3. Геров, Н. Речник на българския език / Н. Геров. София, 1975.
4. Петканов, К. Характерни черти на българина / К. Петканов // Защо сме такива? София, 1994. С. 401–411.
5. Речник на българския език. София, 1977.
6. Фразеологичен речник на българския език. София, 1974–1975.
7. Шейтанов, Н. Духът на отрицание у българина / Н. Шейтанов // Защо сме такива? София, 1994. С. 270–280.
8. Skok, P. Etimologijski rjecnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / P. Skok. Zagreb, 1971.